

И.В. Соловьева

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ ДИСКУРСА

До настоящего времени понимание дискурса исследовалось в основном прагматикой без привлечения методологического аппарата герменевтики вследствие объективных причин: сфера применения герменевтики ограничивалась текстом. Очевидно, однако, что постановка дискурса в центр лингвистической проблематики в конце XX в. предоставляет широкие возможности для экстраполяции герменевтической методологии понимания на дискурсивность как явление, центральная проблематика онтологии которого коренится в явлении времени [12]. Фактор темпоральности характеризует одновременное, неразрывное во времени линейно организованное протекание процессов дискурса в пределах герменевтического акта: его интерпретации и понимания, и определяет структуру герменевтики дискурса как совокупности процессов и процедур понимания становящегося речевого произведения.

Наша концепция герменевтики дискурса в наиболее общем виде основывается на следующем тезисе. Синтез языка и культуры в его преломлении индивидуальностью представлен в опыте личности в следующих формах: 1) в структурах коммуникативной системы, т.е. собственно языка, 2) в структурах опыта – концептах, гештальтах, архетипических, символических и мифологических структурах сознания, «возможных миров», и 3) в структурах деятельности, основу которых составляют понимание и рефлексия.

Таким образом, дискурсивно-герменевтический акт охватывает структуры духовности личности двух основных типов: 1) «ставшие» до момента производства дискурса, составляющие вертикальный контекст дискурсивности и, следовательно, когнитивную основу его герменевтической интерпретации; и 2) структуры, «становящиеся» в процессе продукции/рецепции дискурса – его понимания и интерпретации.

Соответственно, основой герменевтического метода в его обращении на дискурс является процесс увязывания перечисленных выше компонентов вертикального контекста – «ставших», или, как мы их называем, *атемпоральных* структур духовной сферы личности – в пределах дискурса как линейного процесса, развивающегося во времени.

В философском плане герменевтика дискурса это экзистенциальная герменевтика, герменевтика «здесь–бытия», основанная при этом на универсальности макроскопического восприятия. Универсальность предполагает наличие универсума.

Существование универсума – принципиальный момент в герменевтическом подходе к пониманию дискурса, так как «понимая дискурс, интерпретатор компонуется элементарные пропозиции в общее значение, помещая

новую информацию, содержащуюся в очередном интерпретируемом предложении, в рамки уже полученной промежуточной, или предварительной интерпретации, т.е.: устанавливает различные связи внутри текста – анафорические, семантические (типа синонимических и антонимических), референциальные (отнесение имен и описаний к объектам реального или ментального мира) отношения, функциональную перспективу (тему высказывания и то, что о ней говорится) и т.п.; «погружает» новую информацию в тему дискурса. В результате устраняется (если это необходимо) референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса. По ходу такой интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки [3: 117].

Важность атемпоральных феноменов в процессе понимания подтверждается также тем, что признание их в качестве априорных границ пространства понимания, в каких бы терминах мы ни обсуждали эту проблематику, может послужить объективным кумулятивным основанием значительной части лингвистической методологии. К примеру, в терминах темпоральности – атемпоральности можно обсуждать группы философско-лингвистических категорий и понятий, приобретших разную интерпретацию в разных сферах лингвистики и философии: опыт, знание, компетенцию, смысл и значение, собственно текст и дискурс, восприятие и понимание, синхронность и прецедентность, проблемы онтологического и эпистемологического статуса явлений, внешней и внутренней формы, и т.д. Дихотомия темпоральность – атемпоральность дает нам возможность привлекать в пределах нашего рассуждения доводы, приводимые когнитивной лингвистикой, в пользу герменевтики.

Границы универсума, составляющего основу целостного восприятия в процессе понимания дискурса (феномены сознания: миф, гештальт, пресуппозиция, образ, символ, схема) представляют собой формальные и содержательные реальности, являющиеся неотъемлемыми атрибутами духовной сферы личности, языка и культуры. «Безусловно, можно бесконечно спорить по поводу значения, которое можно придавать этим художественным и религиозным реальностям. Но одна вещь кажется нам очевидной: для произведений искусства, так же как и для «религиозных данностей» характерен свой способ бытия: они существуют в своем собственном плане внутренних соотношений, в своем особом универсуме. Тот факт, что этот универсум – не физический универсум непосредственного опыта отнюдь не делает его ирреальным» [13: 25–26].

Атемпоральность как характеристика может также служить обеспечению иллюстративности рассуждений о диалектике развития дискурса и его понимания. Дихотомия «становящееся во времени» – темпоральность – дискурс и понимание, и «ставшее до начала продукции/рецепции дискурса» – личность реципиента как совокупность идеальных структур, «ставших» до производства дискурса и обеспечивающих основания его понимания – задает пространственно-временную систему координат, с помощью которой может быть описано дискурсивно-герменевтическое пространство.

Понимание определяют по-разному в зависимости от задач, которые обслуживает само определение понимания. Это и механизм «достраивания» фрагментов до целостного вида и «присмысливания» отсутствующих фактов, схватывания целостности. Понимание определяют как внутренне реализованную «удачную» интерпретацию в результате взаимодействия различных видов интерпретации, это также оценка результата интерпретации или ее хода, воплощенная по-разному в зависимости от личностных характеристик интерпретатора [3: 123]. С функциональной точки зрения понимание есть функция мышления, которая, в силу генетической принадлежности, имеет субстанциальную природу [6: 72]. Субстанциальность есть способность человека понимать, т.е. движущая, формирующая и порождающая сила бытия, ступень развертывания гегелевской «абсолютной идеи», на которой реализуется единство особенных объектов присутствующих пониманию как «освоению разумом того, что присутствует или дается неявно» [1: 3]. Еще одно свойство понимания – процессуальность – представлено множеством действий, процедур и техник, «обеспечивающих переход от непонимания чего-либо к пониманию этого или пониманию другого» [Ibid.]. Развитие обоих начал понимания обеспечивает принципиальную возможность освоения языковой личностью речевых произведений любой природы. Субстанциальность и процессуальность объединяет общее основание – событийность.

Здесь–и–сейчас событие представляет собой этап в развертывании понимания дискурса и, в свою очередь, обладает собственной диалектикой. По-прежнему верно утверждение К. Бюлера о том, что «пока что точных наблюдений недостаточно для выяснения существенных подробностей, касающихся темпорального компонента, который содержится здесь и вытекает из непосредственно переживаемого сейчас. То, что язык обычно использует непосредственно переживаемое “сейчас” как исходный пункт при определении времени, достаточно просто увидеть на примере системы индоевропейского спряжения. Изолированное слово *сейчас* (как и *здесь*) при произнесении указывает на свою позиционную значимость (Stellenwert). Так же как и *здесь*, его не следует понимать как не имеющую протяженности (математическую) точку, как границу в собственном смысле слова. Оно может в зависимости от подразумеваемого *уже не сейчас* принимать меньшую или даже сколь угодно большую протяженность. Так же как христианин говорит здесь и включает сюда все посюстороннее (поверхность

Земли или еще больше), тот, кто мыслит в геологических измерениях времени, может включить в сейчас весь период после последнего ледникового периода. И подобно воображаемому здесь воображаемое сейчас может быть перемещено в любое место...» [2: 120]. Речь здесь идет прежде всего о «я» как естественной исходной точке координат мировоззрения и в буквальном смысле о том, как она приобретает языковую форму [Op. cit.: 121]. Здесь К. Бюлер обсуждает чрезвычайно интересные методологические основания, релевантные, на наш взгляд, для дальнейшего формирования лингвистического аспекта теории и герменевтики дискурса. В частности, он предполагает существование реализуемой в речи системы средств «перспективного регулирования мысли». Все поступающие реципиенту чувственно воспринимаемые данные, которые укладываются в некоторую последовательность – в координатную систему, исходным пунктом (*Origo* как указательное поле человеческого языка, «здесь-сейчас-я» = система ориентации субъекта – см. [Op.cit.: 94]) которой является то, что обозначается словами «здесь», «сейчас», «я». Заметим, что в терминах современной лингвистики это утверждение описывает концептосферу-основу речевого события, которая наиболее естественным образом может быть экстраполирована на дискурс. Также то, что обозначается словами «здесь», «сейчас», «я», можно отнести к разряду базовых пресуппозиций в качестве основных понятий герменевтики дискурса, поскольку это ориентиры, с помощью которых могут быть определены границы действия данной теории. Эта точка зрения представляет собой, безусловно, расширенное понимание пресуппозиций как знаний о мире, образующих своего рода фон для речи: о них можно говорить как о микро- и макропресуппозициях, т.е. том, что известно из ситуации «здесь/сейчас» и о том, что составляет знание о мире.

Категория «я» также нуждается в обсуждении, поскольку «Я» (*self*), «эго», связанное с разными проекциями личности и идентичностью человека (*identity*), представляет собой сложное, многоуровневое явление и предстает в разных формах. *Феноменологическое «Я»* описывает внутренний поток сознания человека в социальной ситуации. *Интерактивное «Я»* относится к той части образа себя, которая представлена во взаимодействии с другим человеком в конкретной последовательности социальных актов. «Я» может рассматриваться также как лингвистический, эмоциональный и символический процесс. *Языковое «Я»* наполняет пустые дейктические элементы (личные местоимения, грамматические показатели лица, места, времени) значениями, носящими биографический, эмоциональный, истинно личный характер. *Материальное «Я»*, или образ себя как материального объекта, включает все то, что данный субъект называет «своим» в какой-либо момент времени» [14: 32. Цит. по: 10: 54–55]. Из всех перечисленных содержаний «Я» для герменевтики дискурса наиболее методологически релевантны два: феноменологическое и интеракциональное. Феноменологическое «я» «отвечает» за субстанциальность понимания, в то время как интеракциональное – за его процессуальность. Следовательно, по-

нимание дискурса может быть представлено в качестве движения между процессуальностью и субстанциальностью понимания. В терминах структур деятельности процессуальность представлена течением рефлексии, а субстанциальность – ее фиксацией.

Дискурс, как и любое другое речевое произведение, может содержать смыслы, данные явно и неявно. Поскольку в речи не все дано явно, и, следовательно, дискурсивность не сводится к буквальности, мы имеем возможность обсуждать вопросы распремечивающего понимания в отношении дискурса.

В частности, наиболее ярким примером дискурса, который может быть освоен прежде всего при помощи распремечивающего понимания, является дискурс фантазии или воспоминаний. Обсуждая вопросы дейксиса к воображаемому, К. Бюлер отмечает особенности перцепции, в ситуации воспоминаний и фантазии во многом схожие с восприятием и в качестве «картин и картинок» играющие заместительную роль по отношению к первичной данности, характеризующей перцептивные ситуации, в пределах которых взаимодействуют феноменологическое и коммуникативное «я» реципиента/продуцента дискурса: «А вышеупомянутые картины и картинки, вплетенные в поток мысли, то появляются, то вновь исчезают, подобно сиюминутным иллюстрациям к тому или иному слову или мысли, и, таким образом, не используются в качестве каких-либо средств указания. С точки зрения языка они относятся к области наглядно осуществляемых определений *называемых* предметов. Дать им психологическое объяснение и понять пути их возникновения можно лишь в рамках учения о символическом поле языка. Предметом нашего рассмотрения будут воображаемые ситуации, которые являются «объектом указания». Чтобы приблизиться к цели, я хочу ответить на один вопрос: как обстоит дело, когда бодрствующий и пребывающий “в себе” (т.е. не грезящий наяву человек), говоря и описывая нечто сам, либо выступая в качестве слушателя, погружается в воспоминания или пускается в воображаемые путешествия и строит воображаемые ситуации?» [2: 121–122]. Воображаемые ситуации как объекты указания в пределах такого рода дискурса «находятся», так же как и два методологически релевантных для герменевтики дискурса «я», в духовной сфере личности, в качестве онтологических конструкций, разных типов реальностей, на которые обращена рефлексия при схватывании смысла в ходе распремечивания средств дискурса. В [4] делается допущение, что дискурс, основанный на фактах, и дискурс, основанный на вымысле, понимаются одинаковым образом. Это может быть объяснено тем, что смыслы «есть» только в рефлексии, только в движении, в потоке коммуникации с человеком и текстом, они являют себя через самих себя, переживаются не через «отражение внетекстовой действительности», а через переживание же, пробуждаемое рефлексией в душе реципиента. Смыслы характеризуются как «данности сознанию» [1: 18].

Понимание дискурса, таким образом, приобретает коммуникативно-феноменологический характер как движение рефлексии к онтологическим картинам в душе реципиента, как движение между феноменологической и коммуникативной онтологической конструкциями и далее к смыслам как данностям сознанию.

Структура герменевтического акта как процесса перехода от знака к смыслу, однако, опирается прежде всего на значение как отправную точку процесса понимания. Знак в дискурсе отражает динамический объект, относящийся к внешнему миру. Однако с этим связана масса нерешенных пока вопросов (не решенных в пределах семиотики, а не на интегративной основе). Значение, представленное означающим как вещи, так и объекта, изменяется, развиваясь во времени. Поскольку речь уже шла о событийности понимания протеканию дискурса, значение предстает в виде со-знания как знания о называемом объекте «здесь и сейчас». Значение как обозначение вещи, в том числе и в кантианском смысле, как чего-то, существующего вне и независимо от сознания, является одной из философских основ понимания, обеспечивая саму его возможность за счет достижения общности освоения значений в отличие от существования значений как обозначений конкретных объектов. Значительную роль в достижении понимания играет и прагматический аспект: переплетение аксиологического и телеологического принципов влияет на отбор значений и восстановление смыслов при понимании. Прагматический подход является и способом конкретизации значений, вследствие чего реализация смыслов на их основе приобретает суженный характер, что ведет к ограничению возможностей актуализации дополнительных контекстов и иных значений в процессе понимания, и яркой иллюстрацией зависимости знака от понимающего его сознания.

Поскольку знак представляет собой один из основных «кирпичиков» всей системы герменевтической методологии, ее обращение на разные типы речевых произведений – текст и дискурс – предполагает анализ особенностей освоения знака в разных видах деятельности по пониманию, определяемых различиями собственно речевых произведений и их освоения понимающим субъектом. Проблема *понимания* как перехода от знака к значению была поставлена еще Св. Августином, который сформулировал задачи и ограничил область действия науки о знаках, фактически предварив идеи современного семиотического подхода в теории познания и методологии герменевтики. Он определил языковой знак, отличив его от вещей и от неязыковых знаков, особо выделил познавательную функцию знаков; последовательно развел понимание собственного и переносного значения слов и предложил теорию и классификацию тропов; провел различие искусственных и естественных знаков, что стало прообразом дальнейшего деления языков на искусственные и естественные. Наука о знаках является для Августина введением в герменевтику [8: 152]. Соссюр определяет лингвистический знак как неразрывное един-

ство означающего и означаемого [11: 105]: «... в любого рода семиологической системе постулируется отношение между двумя элементами: означающим и означаемым. Это отношение связывает объекты разного порядка, и потому оно является отношением эквивалентности, а не равенства. Необходимо предостеречь, что вопреки обыденному словоупотреблению когда мы просто говорим, что означающее *выражает* означаемое, во всякой семиологической системе имеются не два, а три различных элемента; ведь то, что я непосредственно воспринимаю, является не последовательностью двух элементов, а корреляцией, которая их объединяет».

Теория знака, значения и смысла важна не сама по себе. Скорее существенны те вопросы сферы коммуникации, которые могут быть решены с ее помощью. При выявлении номенклатуры операциональных оснований понимания дискурса следует обратиться к различным концепциям значения как основной операциональной единицы и основы понимания. В частности, психолингвистическая концепция значения позволяет выявить такие операционально релевантные для процесса понимания факторы, как предметность, перцептивно-когнитивно-аффективные образования (концепты), разного рода функциональные ориентиры, стоящие за словом у индивида [5: 431–432]. В частности, теория Уорфа, подразумевающая смещение картины мира от одного языка к другому, подразумевает и то, что сам язык фактически организует и выстраивает дискурс, касающийся мира. Эта организация осуществляется извне, и направляет узкий круг личного сознания, превращая его в марионетку, лингвистические маневры которой пребывают в неосознанных и не поддающихся разрушению оковах паттернов. Если язык насыщен бессознательными паттернами, то человек, говорящий на определенном языке, будет вынужден бессознательно говорить с миром, и в процессе обретения языка его взгляд на мир претерпевает некий сдвиг. Описывая то, каким образом структура языка влияет на восприятие человеком мира, Уорф [15: 257] выделяет два уровня значения, существующих одновременно в каждом языке. Поверхностный уровень – фенотип – имеет дело с дословными лексическими смыслами. Второй, скрытый уровень значения, по Уорфу, криптотип, функционирует в структурах языка, а, следовательно, и сознания в качестве данного неявно. Но смысловая полнота высказывания возникает как совместный продукт факторов фенотипа и криптотипа. «Факторы криптотипов, предложенные Уорфом, аналогичны “архетипам” Юнга, “инфраструктурам” Леви-Стросса и “символическому порядку” Лакана» [7: 103].

Итак, смысл в наиболее общих чертах, взятый в каждый момент течения дискурса, предстает в следующих основных ипостасях: 1) в виде реализованного значения в речевой цепочке; 2) в виде смысла, восстановленного на основе синтеза значения слова с синтаксической структурой, в пределах которой оно представлено в дискурсе; 3) в виде категоризованного смысла высказывания или его дроби (как часть содержательности текста).

Понимание дискурса, таким образом, представляет собой движение в пространстве, образованном различными типами дихотомий: на уровне значения – от криптотипа к фенотипу, на уровне смысла – от смысла как реализованного значения к категоризованному смыслу; на уровне рефлексии – между интерпретацией и пониманием; в ситуации продукции / рецепции дискурса – между ставшим и становящимся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – 137 с.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1993. – 503 с.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – С.116–133.
4. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения. <psychology on line.net>, 2004
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
6. Корниенко Н.Г. Десять тезисов о понимании // Понимание и рефлексия. Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – Ч. 1. – С.72–73.
7. Кюглер П. Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое / Пер. с англ. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 224 с.
8. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций. – М.: Академический проект, Трикста, 2006. – 258с. – («Gaudeamus»)
9. Краев В.Л. Рефлексивная модель операциональных взаимодействий при анализе речевосприятия // Понимание и рефлексия. Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – Ч.1. – С. 74.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса.– М.: «Гнозис», 2003. – 280 с.
11. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2004. – 256 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: AD MARGINEM, 1997. – 451 с.
13. Элиаде М. Ностальгия по истокам – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.
14. Denzin N.K. Interpretive Biography. – Newbury Park, 1989.
15. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1976. – 266 p.